

КЮНЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1995—1997 гг.

Н.В. Кюнер

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

КЮНЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1995—1997 гг.

Краткое содержание докладов

Санкт-Петербург
1998

Второй выпуск сборника содержит краткое изложение докладов, прочитанных на ежегодных Кюнеровских чтениях, проводимых в Музее антропологии и этнографии РАН. Основная тематика докладов — этнография, история материальной и духовной культуры народов как нашей страны, так и ряда государств Зарубежной Азии, прежде всего — Дальневосточного региона. Данные проблемы входили в сферу научных интересов выдающегося отечественного ученого, историка и этнографа Николая Васильевича Кюнера (1877—1955).

Издание рассчитано на этнографов, историков, археологов, востоковедов, музееведов и всех интересующихся отечественной и мировой историей и культурой.

Ответственный редактор

А.М. Решетов

Рецензенты:

В.Н. Кисляков, А.Ю. Синицын, Т.К. Шафрановская

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание «Кюнеровских чтений» включает материалы последних трех ежегодных конференций 1995—1997 гг., в том числе двадцать первой, посвященной 120-летию со дня рождения Николая Васильевича Кюнера (1877—1955).

В проводимых Отделом Восточной и Юго-Восточной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН Чтениях уже традиционно участвуют как сотрудники нашего учреждения, так и различных востоковедных и этнографических центров С.-Петербурга и других городов страны.

Как легко заметить по содержанию, прочитанные доклады посвящены самым разнообразным вопросам этнографии прежде всего народов Азии, а также других регионов; теоретическим, историографическим, источниковедческим, музейным проблемам. Тематика докладов по сложившейся традиции не ограничивается ни географическими, ни временными, ни тематическими рамками: в Чтениях неизменно принимают участие специалисты разных научных дисциплин: этнографы, историки, фольклористы, лингвисты и т.д. И это отнюдь не случайность и не дань хорошей традиции. Это принципиально важно. В столь необозримом разнообразии находит яркое и верное отражение необычайная широта научных интересов выдающегося отечественного востоковеда профессора Николая Васильевича Кюнера.

В МАЭ проведена большая и кропотливая работа по приведению в порядок архива Н.В. Кюнера. Этой теме посвящена работа заведующей Архивом МАЭ И.В. Жуковской. Впервые в этом выпуске публикуются материалы из Архива РАН, а также введен раздел памяти ушедших из жизни коллег.

Завершают данный выпуск материалы научного симпозиума, проведенного С.-Петербургским отделением Ассоциации этнографов и антропологов России и Отделом Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ им. Петра Великого РАН, на тему «За пологом Весеннего Дворца. Культура любви у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», в котором приняли участие сотрудники Музея, С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, С.-Петербургского государственного университета, Восточного Института, Государственного Эрмитажа

«ТРИ БОЛЬШИХ РЕФОРМЫ ЭПОХИ ЭДО» И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ЯПОНСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

(Декларирование принципа «возврата к старине»
при фактической фиксации прогрессивных изменений)

Тремя большими реформами эпохи Эдо (*Эдо-дзидай сандай-кайкаку*) в Японии называют реформы годов под девизами *Кёхо*, *Кансэй* и *Тэмпо*. На самом деле можно говорить о несколько более широких хронологических рамках, нежели только *Кёхо—Кансэй—Тэмпо*, датируя первый этап реформ 1709—1745 гг., второй — 1787—1818 гг., третий — 1841—1843 гг. Таким образом, в целом охватывается период с начала XVIII до середины XIX в. По-видимому, можно считать, что это время является чрезвычайно важным в истории Японии, так как именно тогда факт появления и постепенного эволюционирования первых элементов буржуазного строя получает и официальное признание со стороны государства.

Подлинными причинами реформ явились явные несоответствия между существующими формами политической и государственной организации, социальных и экономических структур, с одной стороны, и реальным уровнем развития общества в этих отношениях — с другой. В качестве же мотива, по которому правительство обратилось к реформам, выдвигалось нечто совсем иное — «возвращение к добрым старым временам начала династии», временам I сёгуна *Токугава Иэясу*. Действительно, нельзя не признать, что тогда все эти моменты находились в должном соответствии друг другу.

Основное содержание реформ определялось различными мероприятиями, которые должны были способствовать росту эффективности сельского хозяйства и восстановлению прочности крестьянской общины (возрождение строя и уклада жизни рядового крестьянства — *хомбьякусё-тайсэй*), регулированию системы налогообложения, товарно-денежных отношений, правовой и административной сфер, публиковались различные акты назидательного и запретительного свойства. Имело место издание законов, которые, по мнению правительства-*бакуфу*,

хоть и призваны были «упорядочить» отношения в социальной сфере, однако нередко приводили к обратному результату и весьма негативно воспринимались низшими слоями населения (например, в годы *Кансэй* — создание исправительной тюрьмы, изъятие 70% сбережений в пользу городских властей, взимание пожертвований с купечества и проч.; выход указа о принудительном возвращении крестьян в свою деревню как в годы *Кансэй*, так и в годы *Тэмпō*).

Результаты, итоги реформ вряд ли можно считать положительными, так как полного успеха не удалось добиться ни на одном из этапов. Что довольно естественно по мере эволюции общества — реформы, устремленные на укрепление прежнего строя, заканчивались каждый раз все быстрее и более очевиден становился провал очередной попытки реставрации былого (относительная успешность лишь реформ *Кёхō*). Напротив — тем острее ощущалось вынужденное восприятие правительством социально-экономических перемен, которые проникали во все сферы и постепенно становились уже признанной составной частью существующей системы.

В реформах нашли отражение весьма различные моменты, характерные для традиционного японского правосознания, — как относимые к Дальневосточному региону в целом, так и свойственные именно японскому обществу. В числе общерегиональных особенностей — прежде всего имеющие отношение к некоторым конфуцианским комплексам, что же до специфически японского — это аспекты, порой и связанные с восприятием различных реалий материковой культуры, но видоизменявшиеся с самого своего появления в культуре собственно японской.

Отражение влияния конфуцианских концепций можно увидеть на самых разных этапах реформ. Так, в годы *Кёхō* в числе мер по упорядочению административной системы упоминалась необходимость выдвижения способных людей и удаления недостойных. Порой возникают и ассоциации с еще более ранними этапами развития китайской культуры: для привлечения народа к воздействию на политику, а равно и для усиления контроля за чиновничеством устанавливаются «ящики для жалоб» — *мэясу-бако* (в определенной степени подобие барабана для приносящих жалобы у дворца древних китайских императоров; символом благополучия считался барабан, покрытый мхом — знак того, что жаловаться не на что). В годы *Кансэй* и

Тэмпо вновь и вновь издаются законы, так или иначе подчеркивающие сравнительно более низкий статус торгового сословия *сэ* (кит. *шан*). Для *Кансэй* — это борьба с чрезмерно быстрыми, по оценкам правительства, темпами развития торговой сферы, для *Тэмпо* — сходные тенденции, например выдвижение в княжествах (*хан*) таких лозунгов, как «сдерживание торговли — развитие сельского хозяйства». Представляется, это достаточно соответствует давним китайским концепциям типа «земледелие — основное (ствол), ремесло и торговля — второстепенное (ветви); чтобы хорошо рос ствол — нужно обрезать ветви».

Ощутимо и влияние конфуцианства сунской эпохи — *сдгаку*, нередко в случае с Японией именуемого *неоконфуцианством*, либо *чжусианством*. Концепция *Чжу Си* о первичной и вторичной природе человека, способствовавшая теоретическому обоснованию социальной стабильности, неизменности сословных статусов-*мibun*, продолжала, судя по всему, оставаться опорой строя. На всех этапах реформ исходили именно из этой неподвижности сословных рамок, из определенной еще в начале эпохи Эдо формулы сословной структуры — *си-нō-кō-сэ* (кит. *ши-нун-гун-шан*): мужи (военные-чиновники) — земледельцы — ремесленники — торговцы. На сохранение стабильности социальной организации обращалось чуть ли не первоочередное внимание.

Если касаться специфики интерпретации японцами пришедших из Китая концепций — конечно, необходимо вновь вспомнить оригинальное восприятие *инь-ян* (яп. *ин-ё*), выражающееся прежде всего в довольно жесткой абсолютизации этих начал, на что обращала внимание в своих работах Т.П. Григорьева. Так, теория «Небесного мандата» (*тэммэй*) в Японии была использована для объяснения смены династий сёгунов — а императорскую династию никто никогда и не пытался свергать — всегда ведь можно обойтись персональными перестановками. Сходная тема обнаруживается и при изучении реформ, в общем не приведших к радикальному успеху. Проводники реформ во всех случаях могут быть оценены как «временщики» (за исключением годов *Кёхō*, когда лидером был сам сёгун *Ёсимунэ*, да, впрочем, это оказалось и самой эффективной из трех реформ): прелюдия реформ *Кёхō* — советник-министр сёгуна *Араи Хакусэки*, реформы *Кансэй* — главный старейшина (*рōдзю-сюсэки*) и советник сёгуна (*хоса*) *Мацудайра*

Саданобу, реформы *Тэмпо* — один из главных старейшин (*рōд-зō каттэ-ката*) *Мидзуно Тадакуни*. Таким образом, «добродетели и совершенства» реального правителя-сёгуна просто не могли быть запятнаны.

Но наиболее важным проявлением в реформах особенностей традиционного японского правосознания, видимо, следует считать глубокий консерватизм политической сферы в целом — стремление к всяческой консервации существующих взаимоотношений в обществе (в годы *Кёхō* — призыв к возвращению «на пути *Иэясу*», в годы *Кансэй* и *Тэмпо* — уже устремленность хотя бы к временам *Ёсимунэ*, т.е. к положению, существовавшему во время относительно успешных реформ *Кёхō*). Это можно пытаться определить как направленность к застою, но, вероятно, уместнее вспомнить иные, хотя и родственные отчасти моменты.

Вплоть до *Мэйдзи* в Японии во все времена полагались на своего рода «законодательный прецедент», упор делался на прежде изданные законы, пусть и незапамятных времен. По этой причине и кодексы *рицурё*, создававшиеся в VII—VIII вв., оставались в силе до середины XIX в., считаясь основой всех последующих уложений; около тысячелетия оставался императорской столицей Киото, когда-то известный и как Хэйан; пожалуй, связано с этим и то, что никогда не было попыток свержения императоров-*тэнно* как династии. Это как бы вопрос о сугубо формальном и реальном аспектах, суть которых — в своем роде различна. Формальное существование постов и должностей в госаппарате Японии в самые разные времена весьма часто не соответствовало их реальной значимости. Так, долгое время существовали, уже не имея влияния в политике, канцлеры — *сэссё-кампаку* из *Фудзивара*, с IV до последнего сёгуна *Камакура-бакуфу* реального значения сёгуны не имели; пост канцлера (*кампаку*) получил *Тоётоми Хидэёси* (должность, взятая из тех же давних кодексов — *рицурё*) и многое другое. Все это, скорее, достойно названия попыток гармонизировать новые явления с формальным старым идеалом, что вызывает уважение и усиливает почтение. Именно таким образом даже движение общества вперед можно признавать, уверяя о возврате к прошлому, — тем больше надежд на почтительное отношение к властям. В поддержании традиции — мудрость.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Жуковская И.В.</i> Фонд Н.В. Кюнера в МАЭ РАН.....	4
<i>Кычанов Е.И.</i> Аккультурация как путь к ассимиляции (на примере тангутов Си Ся, X—XIII вв.)	7
<i>Самойлов Н.А.</i> Черты национального характера китайцев в оценках русских синологов конца XIX—начала XX в.....	10
<i>Самойлов Н.А.</i> О некоторых аспектах становления стереотипов взаимо- восприятия России и Китая (вторая половина XIX—начало XX в.).....	12
<i>Ревуненкова Е.В.</i> Китай глазами средневекового малайского историографа ..	14
<i>Серебряков Е.А.</i> Духовно-эстетическое значение китайской усадьбы в эпохи Тан и Сун (VII—XIII вв.).....	19
<i>Серебрякова Е.А.</i> Стихотворные циклы китайских поэтов IX в. Лу Гуймэна и Пи Жисю о способах рыбной ловли и рыболовных снастях.....	24
<i>Меньшикова М.Л.</i> О некоторых китайских диковинках из коллекции Петербурга начала XVIII в.	28
<i>Свиридов А.А.</i> Коллекция Захара Федоровича Леонтьевского в собрании МАЭ РАН	33
<i>Чигринский М.Ф.</i> Об этнической политике Цин на Тайване.....	35
<i>Решетов А.М.</i> Мон-кхмерские народы Китая: К проблеме этнического состава	37
<i>Кычанов Е.И.</i> Субутай-богатур	43
<i>Яхонтов К.С.</i> Об именах духов-помощников шаманки Нишань	46
<i>Филиппов А.В.</i> «Три больших реформы эпохи Эдо» и некоторые особенности традиционного японского правосознания (Декларирование принципа «возврата к старине при фактической фиксации прогрессивных изменений»).....	50
<i>Синицын А.Ю.</i> О гардах японских мечей XV—XVII вв. из коллекций МАЭ РАН	54
<i>Синицын А.Ю.</i> О практике «толкающих рук» в боевом искусстве Тайцзи-цюань	57
<i>Ионова Ю.В.</i> К проблеме заселения островов архипелага Рюкю	61
<i>Ионова Ю.В.</i> Рюкюская коллекция в МАЭ РАН.....	63
<i>Синицын А.Ю.</i> О мече-вакидзаси из коллекций Овермеера-Фишера	65
<i>Кисляков В.Н.</i> Фотоколлекция К.И. Вебера по Корею в фондах МАЭ РАН... ..	67
<i>Пак Э.С.</i> Современный художественный металл в Республике Корея (по материалам поездки в октябре—декабре 1995 г.).....	69
<i>Ланьков А.Н.</i> Христианство в современной Южной Корею.....	75
<i>Ксенофонтова Р.А.</i> Корейская селадонная посуда в собрании МАЭ.....	79
<i>Кузьменков Е.А.</i> Лексико-статистическая и сравнительно-историческая характеристика языка афганских моголов	81
<i>Колотов В.Н.</i> Письменность во Вьетнаме: Подходы к исследованию вопроса.....	86

КЮНЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1995—1997 гг.

Краткое содержание докладов

*Утверждено к печати
Ученым советом
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук*

Редактор, корректор, технический редактор

И.И. Тимофеева

Набор и оригинал-макет

Е.С. Селиверстовой

Подписано к печати 30.06.98. Формат 60 × 84 1/16
13 печ. л. Тираж 200 экз. Заказ 161

Лицензия ЛР № 020889 от 25 мая 1994 г.

<http://www:/kunstkamera.lanck.ru>